

*доктор филологических наук,
доцент кафедры русской
литературы Казанского
государственного университета*

ДИАЛОГ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОМАНА А.С.ПУШКИНА

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН"

"Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его..."

В.Г.Белинский

Великий роман Пушкина прошел в сознании русской культуры, искушенных и неискушенных читателей долгий и непростой путь.

К нашему времени, к началу XXI века, сложились уже три смысловых этапа рассмотрения загадочного романа в стихах в различных аспектах.

От середины XIX века берет исток подход к произведению А.С.Пушкина как к уникальному историко-литературному документу, отразившему свою эпоху. "Пушкин и декабристы", "Пушкин и проблема "лишнего человека"... - вопросов, знакомых многим из нас еще по школе, - множество. От знаменитого цикла В.Г.Белинского (1840-е годы) – до исследований Д.Д.Благого, Г.П.Макогоненко (1970-е годы) подобный подход представлен в исследовательской культуре России полно и интересно.

С 1960-х годов, во многом – благодаря тартуской школе Ю.М.Лотмана, определяется взгляд на "Евгения Онегина" как на "роман-текст", в свете интересного структурного подхода в литературоведении. Свообразными итогами стали книги: Ю.М.Лотмана - "В школе поэтического слова" (М., 1988) и В.Н.Турбина – "Поэтика романа А.С.Пушкина "Евгений Онегин"" (М., 1996).

К концу 1980-х годов все увереннее набирает силу и еще одно русло видения Пушкинского шедевра. Это, как определил в свое время Ю.Н.Чумаков, – стремление прочитать "Евгений Онегин" "под знаком вечности" [14]. Велико в этом отношении значение в современной научно-исследовательской картине работ В.С.Непомнящего, посвященных и самому роману в стихах, и окружающему его миру Пушкинской лирики¹. Такой взгляд расширил возможности участия в научных дискуссиях и философов (из работ последнего времени интересна посвященная поэтическому миру Пушкина книга этика Я.А.Мильнера-Иринина [6]).

В массовое сознание отечественной культуры вошли крылатые слова В.Г.Белинского, назвавшего роман А.С.Пушкина "энциклопедией русской жизни". Давая такое определение, великий критик, бесспорно, стремился подчеркнуть органичную связь Пушкинского шедевра как с его конкретной эпохой, так и с общей спецификой национального уклада жизни и менталитета, которая (специфика) лежит как бы вне жестких временных границ. На примере образа Татьяны Лариной эту мысль философски углубил Ф.М.Достоевский, заговоривший о любимой героине Пушкина как образе - апофеозе русской женщины.

В научном менталитете нашего времени широкое распространение получила концепция самобытного филолога, философа и культуролога Ю.М.Лотмана. Согласно гипотезе ученого, роман Пушкина "Евгений Онегин", как явление культуры, отличается необычайной "литературностью", настолько глубокой и яркой, что в его художественном мире возникает

¹ См. цикл статей о "Евгении Онегине" в "Литературе в школе" начала 2000-х годов ("Книга, обращенная к нам"), монографию "Лирика Пушкина как духовная биография" (М., 2001), сборник, подготовленный коллегами и единомышленниками ученого к его юбилею – "Пушкин в XXI веке". – М., 2006

даже тенденция пересоздать запечатленную живую реальность по специфическим законам литературы [5].

Феномен Пушкинского романа позволяет не только противопоставлять эти точки зрения, но и считать их взаимно дополняющими друг друга. Более чем характерная для художественного сознания Пушкина в целом ориентация на "другого человека", "другой мир" [1], давшее в его поэзии знаменитый пафос "лелеющей душу гуманности" (крылатые слова – открытие Белинского!), в "Евгении Онегине" переходит в новое качество – Гармонию Диалога.

Только еще начиная разговор о романе Пушкина как о явлении литературы своего времени, мы сразу же выходим на первую ступень этого Диалога: Пушкин "беседует" с литературной традицией.

Прежде всего, весьма своеобразен диалог писателя со своими предшественниками. Существенную роль здесь суждено было сыграть иронии: достаточно вспомнить сентиментально-идиллическую эпитафию на могиле отца Татьяны, "господнего раба и бригадира", Дмитрия Ларина, или явное пародирование традиционного вступления к эпической поэме в классицизме, которую Пушкин, "спохватившись", дает уже почти что в самом конце романа – в последних строфах седьмой главы. Однако подчас писатели прошлого и их художественные открытия могут предстать в "Евгении Онегине" очень органично. Так, в пародийно выписанную панораму гостей на именинах Татьяны совершенно естественно вписывается "Скотининых чета седая". Еще в первой главе, давая общую картину русской драматургии, Пушкин с уважением вспоминает о "сатиры смелом властелине" Фонвизине и живо откликавшемся на русскую действительность "переимчивом Княжнине". Наконец, хрестоматийно известные строки "Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил..." появляются в прощальной восьмой главе среди общих серьезных раздумий поэта о своем романе, таланте и времени. Здесь, бесспорно, предшествующее столетие служит для Пушкина "уважаемым учителем", знаком преемственности в литературном развитии.

Не менее глубок и своеобразен диалог Пушкинского шедевра с живым литературным настоящим. По интересному наблюдению современного исследователя С.А.Фомичева [13], первоначально роман Пушкина был задуман как своего рода "ответная реплика" на популярный жанр легкой светской комедии. Главным героем подобных произведений традиционно выступал молодой светский повеса, выписанный автором в духе сочувственного комизма. В экспозиции действия обязательно давалась картина одного дня из жизни этого героя, часто встречался "перенос событий" из города в деревню, основные действующие лица оказывались активно втянуты в хитросплетения любовных интриг, нередко образуя своеобразные "пары по контрасту". Знаменитое описание дня Онегина в первой главе романа, бесспорно, было навеяно Пушкину комедией его "колкого"¹ современника А.Шаховского "Какаду, или следствие урока кокеткам" (1820). Ситуация, подобная взаимоотношениям сестер Лариных с Онегиным и Ленским, была "предвосхищена" в популярном водевиле Пушкинского времени "Притворная неверность" (автором которого был великий и загадочный тезка Александра Сергеевича – Грибоедов). В "Притворной неверности" в двух сестер, кокетливую Эледину и застенчивую Лизу, оказывались влюбленными холодный Ленский и пылкий Рославлев.

Встречаются в Пушкинском романе и "реплики диалога" с конкретными писателями – современниками. Так, размышляя, в связи с письмом Татьяны или "чувствительным альбомом" Ольги, о "нежном романтизме", Пушкин вспоминает Боратынского; в четвертой главе, включаясь в давно кипящую полемику между сторонниками оды и элегии, поэт с доброй улыбкой рисует пылкую и неуклюжую фигуру лицейского друга – Кюхельбекера. Наиболее же интересным и необычным оказывается "обхождение" Пушкина с Вяземским,

¹ Определение самого Александра Пушкина, см. первую главу романа

который, по воле автора, становится заинтересованным собеседником Татьяны во время ее приезда в Москву.

Продолжается в "Евгении Онегине" диалог Пушкина с "побежденным учителем" Жуковским¹, блистательно начатый еще в поэме "Руслан и Людмила". Особую роль реминисценции из Жуковского сыграли в пятой главе, где Пушкин впервые серьезно приступает к лепке характера своей героини, "русской душой". С одной стороны, в знаменитом сне Татьяны многие устойчивые балладные формулы и мотивы поэзии Жуковского пародийно перемешиваются, а то и разрушаются. Но одновременно видна и серьезная картина: не случайно пятой главе предпослан эпитафия из "Светланы" Жуковского. Любимая героиня Василия Андреевича, старшая сестра "милой Татьяны" Пушкина, словно бы благословляет ее на жизнь, как литературную, так и реальную. Образ Светланы был столь же важен для Жуковского в осмыслении феномена русской женщины, как Татьяна Ларина - для Пушкина.

Вовлекает Пушкин в литературный диалог и свое предшествующее творчество. Не случайно, например, появляется в начале романа обращение к "друзьям Людмилы и Руслана": ведь именно эта поэма стала для юного поэта первой школой, где он опробовал, к примеру, "механизм" лирических отступлений. Интересно соотносится роман в стихах по общей магистрали художественного замысла и с романтической поэмой "южного" периода – с "Кавказским пленником". В обоих произведениях ключевое, переломное значение приобретает столкновение молодого современника, человека "уставшей души" с идеалом автора – "дочерью природы". Как известно, в "Кавказском пленнике" итогом этой трагической встречи стали душевная опустошенность Пленника и гибель Черкешенки. Онегин в романе во многом повторил судьбу романтического "собрата", но, что особенно интересно, - в ранних замыслах Пушкина должна была и Татьяна повторить судьбу Черкешенки, погибнув в ранней юности.

В диалоге со своим творчеством, Пушкину удается в "Евгении Онегине" начать и диалог-игру со своим собственным образом. Ю.М.Никишов полагает возможным выделить три взаимосвязанных пласта образа автора в романе [8]: во-первых, - автор как субъект, рассказчик; во-вторых, - автор как персонаж наравне со своими героями (из черновиков Пушкина мы узнали, что, по одному из веселых замыслов, Онегин должен был заехать навестить своего создателя в Михайловской ссылке!); наконец, в-третьих, - автор как герой особой автобиографической "поэмы о поэте" (знаменитые лирические отступления образуют в этом отношении смысловой центр).

Пронизывает стихия диалога Пушкинский роман и изнутри, определяя "взаимоотношения" автора с им же самим созданными героями.

Интересным проявлением такого "диалога с героями" становится, например, их изображение с разных точек зрения. Так Евгений поочередно "проверяется" следующими масками:

- а) "молодой повеса", "денди" - герой в свете;
- б) "добрый мой приятель" - взаимоотношения с автором;
- в) "опаснейший чудак", "фармазон" - европеец – таков Онегин в кругу простых русских помещиков;
- г) "искуситель роковой" - романтическое амплуа героя глазами Татьяны.

Однако логика эволюции Онегина² закономерно ведет к тому, что все эти маски оказываются перечеркнутыми одна за другой. Это может вести как к готовности "зачеркнуть" самого героя (вспомним роковое прозрение Татьяны: "Уж не пародия ли он?"), так и к полной

¹ Таким, как известно, нисколько не стыдясь, признал себя сам благороднейший Василий Андреевич, после выхода в свет поэмы "Руслан и Людмила"

² См.: [9, с.169-173].

"размытости", неопределенности его образа: "...добрый малый, Как вы да я, как целый свет...". И все же есть во внутреннем образе загадочного образа Онегина и стержневые, сущностные черты, наглядно выступившие при его мучительном "новом рождении" в любви к Татьяне:

а) "угрюмый, неловкий" (глава 8, строфы XXI- XXII);

б) "Ото всего, что сердцу мило, Тогда я сердце оторвал; *Чужой для всех, ничем не связан ...*" (глава 8, строфа XXXII- письмо Татьяне);

в) "Как с вашим сердце и умом Быть чувства мелкого рабом?" (глава 8 , строфа XLV – слова Татьяны);

г) "Я знаю: в вашем сердце И гордость и прямая честь" (глава 8, строфа XLVII- слова-признания Татьяны).

Еще сложнее и богаче разворачивается в романе духовная история Татьяны Лариной, прошедшей путь от "робкой девы" и "девочки чужой" в своей семье до "богини царственной Невы". В отличие от Онегина, внутренний нравственный стержень Татьяны не "расплывается" и не разрушается, а лишь "взрослеет", как раз и придавая личности героини "многогранную цельность". Более чем знаменательно "возвращение" Татьяны в восьмой главе, где о "величавой законодательнице зал" трепетно сказано: "Ей внятно все. Простая дева, С мечтами, сердцем прежних дней, Теперь опять воскресла в ней" (глава 8, строфа XLI)¹.

Диалог с героями по мере разворачивания "дали свободного романа" привел Пушкина и к уникальному писательскому ощущению своих героев как живых реальных людей, далеко не всегда подвластных его авторской воле. Общеизвестно, например, шутовское признание Пушкина в одном из писем о том, что Татьяна, нарушив положенный ей долг верности перед Онегиным, неожиданно для самого создателя "высочила замуж". Не менее знаменательны и размышления Пушкина о возможных путях судьбы Ленского, если бы она не была оборвана гибелью на дуэли. Вдохновленный поэт мог стать как "гремящим пророком" и вершить великие деяния "для блага мира", так и превратиться в обыкновенного помещика-обывателя: "Расстался б с музами, женился, В деревне, счастлив и рогат, Носил бы стеганый халат...". Столкновение двух столь контрастных образов - отнюдь не просто шутка: разрушая границы литературной условности, Пушкин вводит в свой роман Жизнь. Не случайно в этой, шестой, главе появляются пророческие строки о Ленском: "Узнал бы жизнь на самом деле" (интересно, что в своё время А.А.Ахматова и самого Пушкина воспринимала как одного из важнейших персонажей романа в стихах: на вопрос "Чем закончился роман Пушкина "Евгений Онегин?" великий поэт неизменно отвечала: "Тем, что Пушкин женился").

В плане Пушкинского диалога с героями очень важна и такая сторона романа, как история взаимоотношения Татьяны Лариной и Евгения Онегина. Это не только сюжетный узел произведения, но и во многом его философский центр: поиск формулы жизни². Если во время первой встречи героев "старостью души" был поражен Онегин, желая вместо счастья лишь "вольности и покоя", а юное сердце Татьяны "алкало пищи роковой" в любви - то последнее "столкновение" Евгения и Татьяны выстроено по законам "обратной диалектики". Теперь уже Онегин в "возрасте позднем и бесплодном" потерял голову и "как дитя влюблен", находя в этом свое мучительное счастье, а Татьяна предпочитает отказаться от счастья и быть "покойной и вольной" во имя Долга.

Переплетая диалог с литературной традицией и диалог с героями, Пушкин приходит к еще одному интересному эксперименту. Суть его заключается в том, что главные герои, а подчас и сам автор, проходят испытание разными литературными жанрами³. В итоге для каждого из персонажей формируется свой жанровый мир:

---

¹ О диалектической противоречивости в характере и судьбе любимейшей Пушкинской героини – см.: [3].

² Подробнее см.: [10].

³ Целостно эта концепция впервые представлена в монографии В.Н.Турбина – см.: [12].

1. Автор, одновременно - как создатель и участник своего романа, "измеряется" дружеским посланием и лирической элегией. Жанр послания окрашивает пронизывающие рассказ живые струны бесед с друзьями и читателями. Элегия же в художественной философии Пушкина связана с его размышлениями о судьбах героев, жизни человека.

2. Онегин, как становящийся типаж "лишнего человека", вписан в новый жанр психологического реалистического романа - но духовной своей эволюцией больше "обязан" поэзии. Представая первоначально классическим "холодным" героем романтической баллады, полным разочарования и иронии, Евгений по мере осознания своего внутреннего мира "уходит" в лирическую элегию. Вершиной этого преобразования становится его "горящее" письмо к Татьяне.

3. Татьяна. Путь героини в общих чертах оказывается прямо противоположен "жанровому пути" Онегина. Если в начале Татьяна "овеяна" романтической элегией, печальна, одинока и мечтательна, то в финальной восьмой главе, став "богиней Невы", превращается в глазах Онегина в холодную гордую королеву, будто только что сошедшую со страниц рыцарской баллады. Однако этим загадка Татьяны Лариной отнюдь не исчерпывается, да и не может быть исчерпана. Глубокая природная связь героини с национальным менталитетом ярко раскрывается в ее "фольклорном сопровождении". Здесь и "преданья простонародной старины", и вещий сон, будто сотканный из нянюшкиных сказок, и, наконец, народная песня веселых девушек, услышанная Татьяной в саду перед роковым объяснением с Онегиным. Духовную, идеальную грань облика героини раскрывает ее органичная слитность с миром христианской мифологии. Один из таких ярких "всплесков" мы наблюдаем в пятой главе романа во время святочных гаданий, когда Татьяна "звучит" в едином согласном хоре звезд. По оригинальной гипотезе филолога и искусствоведа В.Н. Турбина, Пушкинская Татьяна Ларина органично связана с образом святой Богородицы [11]. Интересно, что глубокие подходы к такому пониманию этого образа наметились еще у Достоевского в его речи на Пушкинских торжествах 1880 года

Диалог с литературной традицией и диалог с героями выстраивают поэтику Пушкинского романа как бы изнутри, в конкретных, частных ее проявлениях. Однако феномен диалога этим не исчерпывается и, разрастаясь, превращает в своеобразный свой "объект" уже весь роман в целом. Иными словами, Пушкин, создавая "Евгения Онегина", вступил в творческий диалог с жанром романа вообще.

Первое, на что мы выходим в связи с данной проблемой, - представления о Пушкинском произведении как "энциклопедии". Крылатое определение пустил в мир В.Г.Белинский: "энциклопедия русской жизни". С того времени критики и литературоведы многократно обращались к этой загадочной во многом формуле, что и привело в итоге к нескольким основным "уровням" прочтения феномена "энциклопедичности" романа "Евгений Онегин".

В.Н.Турбин в итоговой своей книге отметил стремление "дополнить и уточнить" формулировку Белинского в трудах М.М.Бахтина, который писал: "Русская жизнь говорит здесь всеми голосами, языками и стилями эпохи" [12].

Сам Турбин предлагает иное видение. По его гипотезе, роман Пушкина – философская "энциклопедия", где особенную знаковую роль выполняет восходящий к античной культуре феномен хора / хорового ритуального начала ("хор светил" в главе о гаданиях Татьяны, хор – песня девушек во время сурового объяснения Онегина с Татьяной в саду и некот.др.). Во всех случаях, подчеркивает ученый, хор является своеобразным хранителем нравственной истины и призван постоянно напоминать о ней "потерявшемуся" герою-одиночке. Хор подсказывает исподволь единственно возможный путь – гармоничное слияние "единичного со всеобщим" (в этом и кроется "русскость душой" великой Пушкинской Татьяны). В.С.Непомнящий неоднократно проводил, и в статьях и в телевизионных эссе, мысль о том, что "Евгений

Онегин" - первый русский проблемный роман, ставящий основополагающий вопрос: "Что есть человек?". Современное индивидуальное сознание (Евгений) изображено Пушкиным в роковом плену раздробленности и хаоса, спасти ситуацию может лишь возвращение к "соборности", всеобщности (Татьяна)¹.

В то же время, "Евгений Онегин" - уникальная "энциклопедия" и в специфическом литературном смысле этого слова. Напомним, что Ю.М.Лотман именно на этом выстроил свою концепцию о "сквозной литературности" пушкинского романа, стремящегося по законам так называемой "чужой речи" пересоздать и живую жизнь [5]. В.Н.Турбин своеобразно увидел еще и в том, что пушкинское произведение предстает как уникальная сводная "энциклопедия" различных литературных жанров: от А-некто до Э-поса. Стремление писателя и на жанровом уровне к нравственно-философскому идеалу Гармонии отобразилось через намечающийся синтез тенденций эпоса и романа. За изображение "живой типической жизни" "отвечает" в этом союзе – роман, а эпос ставит высокие "национально-философские цели" [12].

В.Я.Лакшин, уже в духовно-биографическом аспекте, предложил иное "уточнение" к определению романа-"энциклопедии": "энциклопедия пушкинской души" [4]. Собственно говоря, это почувствовал еще Белинский: "Здесь <в романе – А.П.> вся жизнь, вся душа, вся любовь его...". Мудрое и шутливое одновременно заключение Анны Ахматовой о феномене финала "Евгения Онегина" также идет в этом русле.

Нужно иметь в виду и то, что о специфике жанра романа вообще Пушкин размышлял много и обстоятельно: как до создания романа в стихах, так и после. Из "формул романа", найденных им в разные периоды творчества, особенно знаменательны две:

1. Роман – "историческая эпоха, взятая в вымышленном повествовании".
2. "Роман требует болтовни: высказывай все начисто".

Первое высказывание писателя не без оснований считается в литературоведческой традиции философским итогом пути Пушкина - реалиста. Вторая мысль уже не так однозначна и ясна. Бесспорно, ее нельзя понимать буквально - и выводить отсюда идею о якобы несерьезном отношении Пушкина к вопросам строения литературного мира. Перед нами - глубокий творческий принцип, органично перенятый Пушкиным одновременно у "легких поэтов" рубежа XVIII-XIX веков и у романтиков. Как известно, "легкая поэзия" ("салонная" и "альбомная" – внутри нее, как главенствующие разновидности) в самих своих основах опиралась на искусство экспромта, умея, однако, при этом ясно и четко "контролировать" поэтическую мысль. "Болтовня" в Пушкинской цитате - не что иное, как именно стихия диалога, "замаскированная" под экспромт. Одновременно эту парадоксальную гипотезу Пушкина можно и нужно видеть в свете традиций романтизма. Так, в тех же романтических поэмах неограниченную власть в своем художественном мире получал автор, имея возможность нарушать ход повествования и погружаться в лирические отступления, комментировать поступки и характеры героев и т.п.²

Пушкин эту романтическую "болтовню" поднял на новый художественный уровень:

1. Свободно творя свой роман, предоставил свободу выбора и героям (вспомним "непослушную" Татьяну).
2. В тесной связи с этим открытием оказалась и сама структура произведения. Так, Пушкин мастерски использует в "Евгении Онегине" феномен открытой композиции: в последней главе герои оставлены автором в один из самых напряженных, переломных

¹ На примере "страдающего эгоиста" - Онегина, никак не могущего преодолеть печать своего проклятия "homo usurpator", - см.: [7].

² Достаточно давно и устойчиво держится в литературоведении представление о диалоге Пушкина с поэмами Дж.-Г.Байрона. Однако, как отметил в свое время В.А.Кошелев, сам русский писатель – Пушкин, уже работая над первой главой своего творения, четко дистанцировал это свое "особенное новое" от каких бы то ни было "байронических традиций" - см.: [2].

моментов, на заре новой жизни. Если романтики чаще всего использовали принцип открытой композиции для иллюстрации своей трагической философии мироздания (неопределенность, туманность человеческих судеб в мире зла и рока), то Пушкин связует традицию предшественников с новыми задачами философского и пластико-реалистического миростроения.

3. Благодаря искусно переосмысленной романтической "болтовне" Пушкин ввел в свой роман и еще один важный феномен - так называемую "чужую речь". Ю.М. Лотман, и предложивший этот термин в процессе изучения поэтики "Евгения Онегина", понимал под этим самый широкий спектр явлений: начиная от свободы "слова героев" и кончая глубоким диалогом писателя с литературной традицией.

В процессе работы над романом в стихах Пушкин пришел и еще к одному важному определению: "свободный роман". Первые "ступени" осмысления нового жанра намечены еще в посвящении, написанном в традициях дружеского послания. Постепенно беседа с Другом, которому и посвящен "Евгений Онегин", перерастает в доверительно-исповедальное общение с читателями, которое тоже "приглашаются" в "дружеский круг". Живая жизнь и мечта, по замыслу автора, должны идти рядом в его романе - неслучайно в "собрании пестрых глав" дружески соседствуют главы "простонародные" и главы "идеальные".

Выстраивая сложную простоту гармонии своего творения, Пушкин в разных главах, возвращаясь постоянно к размышлениям о феномене своего детища, "примеряет" к нему разные "маски":

а) "болтливая лира" (финал лирического отступления о ножках в первой главе);

б) "история" - прозрачная параллель с некогда популярными авантюрными романами, "закрученными" на "лихих" сюжетах:

Вперед, вперед моя история!

Лицо нас новое зовет...

в) эпическая поэма в духе классицизма. Таково, прежде всего, ироническое "самооправдание" поэта в виде запоздалого вступления... в конце седьмой главы.

Заключительные "аккорды" диалога Пушкина с романом звучат в последних строфах восьмой главы. Именно здесь Пушкин одновременно осознает свое произведение и как роман-процесс ("...живой и постоянный ... труд"), и как "свободный роман", то есть роман, готовый к изменениям и не подчиняющийся какой-либо заданной схеме.

Вершина специфики "романа-процесса" - в том, что создатель его, по мере изменений в художественном замысле, и тем более – по мере завершения этого замысла, меняет исподволь и свой взгляд на мир, свою судьбу. В этом плане можно говорить о нескольких нравственных аспектах финала пушкинского произведения. С одной стороны, здесь перед нами - высокая жалость автора и героини к человеку, "проигравшему все ставки жизни". С другой стороны, устами мудрой героини, - "...предпочтение "ума сердца" " [2, с.25] каким бы то ни было иным ориентирам в жизни. Наконец, с третьей грани, - сознательное стремление великого автора, в противовес бездомному и все равно еще холодному духовно герою, обрести после своей женитьбы на Наталии Николаевне Прощение Женщины (ведь если вдуматься: Натали для Александра Сергеевича – то же "пересоздающее судьбу" знамение, что и Татьяна - для Онегина, только в случае судьбы Поэта – все это узно и бережно хранимо), свой Дом и неразъединимый с ним высокий долг ответственности: за этот очаг, а через него – и за весь мир.

"Евгений Онегин" становится в итоге символичной "межой": после его завершения перед Пушкиным и миром открываются столь многогранные перспективы, что и появляется в итоге знаменитая "*даль свободного романа*", уже навсегда связанная с бесконечной жизнью...

Литература:

1. Грехнев В.А. Лирика Пушкина. О поэтике жанров. – Горький, 1985. – 239 с.
2. Кошелев В.А. "Онегина воздушная громада" // Литература в школе. – 2000. – №3. – С.13-25.
3. Кошелев В.А. "Онегина воздушная громада..." // Литература в школе. – 1998. – №8. – С.5-20.
4. Лакшин В.Я. Биография книги: статьи, исследования, эссе. – М., 1979. – 508 с.
5. Лотман Ю.М. Своеобразие художественного построения "Евгения Онегина" // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. – М., 1988. – С.30-107.
6. Мильнер-Иринин Я.А. Пушкин и вечность. – М., 2004. – 520 с.
7. Непомнящий В.С. Книга, обращенная к нам". "Евгений Онегин" как проблемный роман // Литература в школе. – 2000. - №1. – С.6-17.
8. Никишов Ю.М. Главная книга Пушкина. – Тверь, 2004. – 512 с.
9. Роман А.С.Пушкина "Евгений Онегин": Материалы к энциклопедии. – Тверь, 2003. – 500 с.
10. Строганов М.В. Человек в художественном мире Пушкина. – Тверь, 1990. – 84 с.
11. Турбин В.Н. Незадолго до Водолея. – М., 1994. – 510 с.
12. Турбин В.Н. Поэтика романа А.С.Пушкина "Евгений Онегин". – М., 1996. – 232 с.
13. Фомичев С.А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. – Л., 1986. – 304 с.
14. Чумаков Ю.Н. "Евгений Онегин" А.С.Пушкина. В мире стихотворного романа. – М., 1999. – 128 с.

Анотація

**О. ПАШКУРОВ. ДИАЛОГ В ХУДОЖНЬОМУ СВІТІ РОМАНА О.С.ПУШКІНА
"ЄВГЕНІЙ ОНЕГІН"**

У статті розглядається явище діалога як основа роману О.С.Пушкіна "Євгеній Онегін" на рівні художніх образів, жанрової структури та в аспекті літературних традицій.

Ключові слова: діалогічне начало, літературні традиції, зміни в жанрі російського роману.

Аннотация

**А. ПАШКУРОВ. ДИАЛОГ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОМАНА А.С.ПУШКИНА
"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН"**

В статье рассматривается явление диалога как основа романа А.С.Пушкина "Евгений Онегин" на уровне художественных образов, жанровой структуры и в аспекте литературных традиций.

Ключевые слова: диалоговое начало, литературные традиции, изменения в жанре русского романа

Annotation

**A. PASHKUROV. DIALOG IN ARTISTIC WORLD OF NOVEL "EUGENE ONEGIN" BY
A.S. PUSHKIN**

In this article the phenomenon of dialog as basis of the novel "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin on the level of artistic images, genre structure and in aspect of literary traditions is dealt with.

Keywords: dialog beginning, literary traditions, changes in the genre of the Russian novel.